24.00.01. – Теория и история культуры

УДК 130.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-109-116

ИДЕИ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ

Симонова С. А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель автора статьи – исследовать синтетические конструкции немецких философов XVIII – первой половины XIX вв., связанные с этико-эстетическим синтезом.

Процедура и методы исследования. Автор анализирует феномен неслиянно-нераздельного единства этики и эстетики в теориях Лессинга, Канта, Шиллера, Гегеля, используя термин «перихоресис». В соответствии с целью исследования, используются диалектический, компаративный и дескриптивный методы.

Результаты проведённого исследования. Выявлены и проанализированы синтетические идеи немецких философов, обосновывавших неслиянно-нераздельное единство этического и эстетического как атрибутов человеческой духовности.

Теоретическая и / или практическая значимость. В эстетизированной современной культуре актуализируются фундаментальные философские категории, и приобретают особую значимость классические синтетические теории.

Ключевые слова: абсолют, этико-эстетический синтез, перихоресис, духовность, идеал, художественный образ

IDEAS OF ETHICAL-AESTHETIC SYNTHESIS IN GERMAN PHILOSOPHY

S. Simonova

*Moscow State University of Psychology and Education
29 Sretenka ul., Moscow 127051, Russian Federation*

Abstract.

Purpose – to study the synthetic structures of German philosophers of the 18th – early 19th centuries associated with ethical and aesthetic synthesis.

Methodology and Approach. The author analyzes the phenomenon of the inextricably inseparable unity of ethics and aesthetics in the theories of Lessing, Kant, Schiller, Hegel, using the term "perichoresis". In accordance with the purpose of the study, dialectic, comparative and descriptive methods are used.

Results. Identified and analyzed the synthetic ideas of German philosophers, substantiating the unity of ethical and aesthetic as attributes of human spirituality.

Theoretical and / or Practical Implications. In an anesthetized modern culture, fundamental philosophical categories are actualized, and classical synthetic theories become especially important.

Keywords: absolute, ethical and aesthetic synthesis, perichoresis, spirituality, ideal, artistic image

ВВЕДЕНИЕ

В современности преобладают постнеклассические философские концепции, которым свойственны эпистемологический релятивизм, стремление к дискретности, размытие этических и эстетических границ. Однако, в связи с противоречивыми процессами,

происходящими в мире, мы полагаем, что необходимо актуализировать проблему обоснования и реабилитации классического философского наследия, предполагающего возрождение онтологических первооснов духовного ядра человеческого бытия [5]. Речь идёт о философской триаде «истина – добро – красота», которая впервые была озвучена в античности. Впрочем, «проблема обоснования онтологического, гносеологического и аксиологического статуса духовных ценностей культуры периодически возникает в философском сознании Запада и России» [2, с. 58].

До эпохи Возрождения эстетическая сфера вообще не была отделена от сферы теоретической и этической, чем и определялась целостность, стройность и гармоничность, присущие различным видам искусства и, шире, формам культуры. Таким образом, идея синтеза была представлена на субстанциональном уровне мышления, выступала своего рода метафизическим архетипом, служившим идеалом для различных сфер и областей культурного творчества, включая теологию и философию. Многие мыслители и художники эпохи Ренессанса стали абсолютизировать прекрасное, отодвигая нравственность на второй план. Однако действительное разделение этического, эстетического и гносеологического произошло в Новое время, и именно тогда крупнейшие немецкие мыслители обратились к проблеме синтеза важнейших составляющих духовного бытия человека.

Последние десятилетия проблема этико-эстетического синтеза оставалась на периферии научных исследований, можно назвать выдающихся философов-этиков второй половины XX века, занимавшихся этим вопросом: Гулыга А. В., Столович Л. Н., Шердаков В. Н.¹

Нам представляется целесообразным рассмотреть аспект этико-эстетического синтеза, в исследование которого внесли существенный вклад немецкие философы VIII-XIX вв.: Г.-Э. Лессинг, И. Кант,

Шиллер, Шеллинг и Гегель. Цель нашей статьи – выявить и проанализировать идеи этико-философского синтеза в теоретических концепциях немецких философов. Для достижения этого мы полагаем использовать компаративный и дескриптивный методы, но на первый план выдвигается диалектический метод. Мы полагаем также целесообразным использовать термин «перихоресис», который, с нашей точки зрения, наиболее полно и точно выражает неслиянно-нераздельное единство категорий красоты, добра и истины. «Суть «перихоресиса» описывает наличное состояние культуры как неслиянность истины добра и красоты, а идеальное состояние – архитектонику культуры, как стремление к нераздельности этих начал» [4, с. 54].

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЛЕССИНГА

Г.-Э. Лессинг, как представитель немецкого Просвещения, не мог обойти тему нравственности в искусстве, основное назначение которого просветитель видел в воспитании и просвещении людей. Мыслитель, анализируя эстетические категории и задачи, шёл от эстетики к нравственному воспитанию, считая последнее важнейшей целью искусства. Собственно, основной целью его работы «Гамбургская драматургия» является обоснование воспитания моральных убеждений при помощи театра, который учёный называет ни больше и ни меньше как «школой нравственности».

Действительно, силу эмоционального и нравственного воздействия театра трудно переоценить. Вспомним аристотелевские рассуждения о катарсисе в результате присутствия на трагическом представлении. Лессинг требует внимательного и нравственно наполненного отношения как авторов к своей драматургии, так и актёров, доносящих содержание трагедии до зрителя. Философ рассуждает о важности донесения актёрами «нравственной сентенции» – в этом он и видит сущность подлинного мастерства актёра. Именно выразительное «донесение» нравственной мысли до

¹ Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 2017. 480 с.

зрителя воспитывает последнего, поэтому Лессингу важно и этическое наполнение текста драматического произведения, и моральная позиция автора.

Философ осуждает различные уловки, так называемые «мнимые нравственные сентенции», используемые некоторыми авторами для усиления эффектности, потрясения чувств. По мнению Лессинга, такие ложные идеи могут подвергнуть зрителя безнравственному искушению, ведь воздействие искусства очень велико. Эта мысль Лессинга представляется нам особенно актуальной сегодня, когда многие деятели искусства «с боем» отстаивают его вненравственную сущность.

Лессинг поднимает, на наш взгляд, ещё одну проблему, связанную с этико-эстетическим синтезом: насколько вообще реально воплотить сакральную трагедию Христа на сценических подмостках, как это согласовать с законами драматических жанров и эстетическими канонами?

Необходимо подчеркнуть, что немецкий просветитель отстаивал идеи Аристотеля относительно присутствия исторической правды в трагедии, полагая, что особенности истинно христианской души не позволяют выразить театральный накал и страсти. Лессинг пишет по этому поводу: «Быть может, личность истинного христианина совсем не театральна? ... тихая покорность, безмятежная кротость, существенные его свойства, противоречат самой задаче трагедии, которая имеет целью очищать страсти страстями?»¹

Таким образом, философ считает нецелесообразным театрализовать христианские трагические сюжеты по следующей причине: христианство ставит задачу приумения и уничтожения страстей, в то время как у театра есть цель разбудить страсти и эмоции.

В работе, посвящённой драматургии, немецкий просветитель обосновывает и разводит существенные в контексте исследования этико-эстетического синтеза категории «поэтических» и «абсолютных

истин». Первые не обладают полным значением вторых, однако одной из задач театра является приближение «поэтических истин» к «абсолютным». Исходя из этой идеи, философ определяет этический императив по отношению к театральному искусству, выражающий суть синтеза этики и эстетики: «... поэтическая истина должна приближаться к абсолютной, и поэт никогда не должен рассуждать так нефилософски, чтобы допускать, что человек может стремиться к злу ради самого зла, что он может, действуя на основании порочных принципов, сознавать их порочность и всё-таки хвастаться ими перед самим собой и перед другими»².

Итак, Лессинг, подобно Сократу, отстаивает оптимистическую точку зрения на моральную природу человека, выражая убеждение, что люди не творят зла осознанно. Если зло совершается по невежеству, из этого следует, что, согласно нравственному рационализму, возвращение добра у человека с самого его рождения делает возможным исправление нравов. Безусловно, в гносеологическом контексте это представляется несколько наивным, однако в области искусства, как важнейшей формы культуры, идеи Лессинга вполне реалистичны, ведь авторы и актёры достаточно часто идут по пути легко достигаемой эффектности и зрелищности для привлечения зрителя и демонстрируют «зло ради зла», задача же искоренения порочности уходит далеко на задний план, либо не ставится вовсе. В искусстве Нового времени стала традицией эстетизация тёмных начал человеческой личности, чему и противился Лессинг.

Философ обосновывает этическую миссию искусства, которое должно демонстрировать и возвышать нравственно наполненных героев, художественно показывать их убеждения, их внутренний мир, предоставляя ориентиры к важной цели каждого – к воспитанию и исправлению нравов. С его точки зрения, подлинно художественная способность авторов

¹ Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: ACADEMIA, 1936. 455 с. С. 12.

² Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: ACADEMIA, 1936. 455 с. С. 14.

и актёров заключается в умении создать и представить трагедию таким образом, чтобы она способствовала моральному совершенствованию зрителя. Это и есть истинное просвещение народа: «поддержка и укрепление чувства человечности, внушение любви к добродетели и ненависти к пороку»¹. Таким образом, в онтологическом пространстве эстетики Лессинга магистральные дороги принадлежат этическим категориям, «через эстетическую канву исследования прорастают этические представления» [3, с. 256].

В работе «Лаокоон» Лессинг предпринимает попытку определить границы воплощения глубочайших страданий, какие только можно пережить человеку, выявить, до каких пределов можно изобразить безобразное в позах, жестах и мимике героя, испытывающего невыносимую муку: «... художник стремится к изображению высшей красоты, связанной с телесной болью. По своей искажающей силе эта боль несовместима с красотой, и поэтому он должен был ослабить её; крик он должен был превратить в стон не потому, что крик изобличал бы неблагородство, а потому, что он отвратительно искажает лицо»². Точка зрения немецкого философа заключается в том, что искусство избирательно в своих прообразах и средствах, что есть вещи, которые недопустимы в сфере прекрасного: «Стоит только представить себе мысленно Лаокоона с раскрытым для крика ртом, чтобы судить о сказанном; заставьте его только кричать, и вы сами всё поймёте: раньше это был образ, внушавший сострадание, ибо в нём боль сочеталась с красотой; теперь это неприятная, отталкивающая фигура, от которой захочешь отвернуться»³. Разумеется, речь идёт о визуальном искусстве, и Лессинг предпринимает попытку отграничить неприемлемые для искусства безобразные проявления в

реальной жизни, ведь речь идёт об «изящных искусствах».

Лессинг понимает, что искусство обладает невероятной силой, оно действительно способно преобразовать человека, стало быть, оно не должно быть только красивым, приятным глазу, искусство может воздействовать и на природу; загадка мощного воздействия искусства на душу человека кроется во взаимодействии этического и эстетического. В связи с вышесказанным, можно сделать вывод, что Лессинг стоит на позициях этико-эстетического синтеза.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТИЧЕСКОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В ПРЕДСТАВЛЕНИИ И. КАНТА

Среди множества важных теорий, посвящённых взаимосвязи добра и красоты, выделяются философские идеи И. Канта. Крупнейший представитель немецкой классической философии первоначально автономно онтологически и аксиологически анализирует эти категории, а затем выявляет их тесное взаимодействие, которое мы могли бы определить как перихоресис. В своей работе «Критика способности суждения» философ, рассуждая о красоте как подтверждении добра, приходит к следующему определению: «прекрасное есть символ нравственно доброго; и, только принимая это во внимание, оно и нравится»⁴. Из определения следует, что Кант на первый план выводит добро, обоснованно считая, что в основании нашего восхищения красотой находится этическая эмоция. При этом, философ анализирует и обосновывает неразрывно-неслиянную взаимосвязь нравственности и красоты.

Здесь, пожалуй, было бы уместным вспомнить рассуждения античного мыслителя Сократа, полагавшего, что прекрасно лишь то, что полезно, поскольку польза в определённом смысле проникает в нравственное пространство. Немецкий философ утверждает, что нравственное

¹ Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: ACADEMIA, 1936. 455 с. С. 289.

² Лессинг Г.-Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии // Лессинг Г.-Э. Избранное. М.: Худож. лит., 1980. 574 с. С. 388–389.

³ Там же. С. 389.

⁴ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 375.

суждение фундаментально и всеохватно, поэтому и привлекает, вызывая эстетическое удовольствие. Философ подчёркивает, что нравственный поступок является гарантией человеческой свободы, поэтому он является важным и с эстетической точки зрения. Таким образом, Кант через категорию свободы подходит к определению сущности искусства, соединяя этику и эстетику, выводя одну через другую: «Мы называем здания или деревья величественными и великолепными, поля – прелестными или весёлыми; даже цвета называются невинными, скромными, нежными, так как порождают ощущения, которые содержат в себе нечто аналогичное с сознанием душевного состояния, вызванного моральным суждением»¹.

Следуя логике Канта, мы можем наслаждаться своим добродетельным, этическим поступком. Философ анализирует эстетическую категорию «возвышенного», и в этом пространстве он выявляет ещё большее присутствие нравственного: «Почти незаметно для себя Кант переходит из области эстетического, которая, согласно его гипотезе, представляет собой совершенно особую сферу, в область нравственных понятий. Мы почти не ошибёмся, если скажем, что чувство возвышенного является мерилем нравственности человека. Это – нравственность, преломленная в призме красоты, которая возвращается к своему прежнему первенствующему положению» [1, с. 359–360]. Немецкий философ, исследуя сферу эстетики, логично и плавно перетекает в область этического; его этика обогащается, наполняется красотой.

По сути, Кант актуализирует проблему важности духовно-нравственной составляющей культуры. Невозможно всесторонне исследовать онтологические глубины возвышенного и постулировать его как нравственный критерий, не обладая высокой культурой, на вершине архитектоники которой находится нравственность как высшая ценность. Кант утверждает: «На

самом деле то, что мы, подготовленные культурой, называем возвышенным, без развития нравственных идей покажется только отпугивающим необразованному человеку»².

Философ убеждён, что априори при рождении каждый из нас уже обладает пониманием и видением возвышенного в окружающей нас природе, более того, нам от рождения свойственны определённые моральные установки и критерии: «... и именно в том, что вместе со здравым рассудком можно ожидать у каждого человека и требовать от него, а именно в задатках чувства (практических) идей, т. е. морального чувства»³. Иными словами, только обладая некими моральными качествами, мы можем осознавать и переживать красоту природы, при этом доминирующим началом в этом тандеме является этика. Если человек любит природу, то он добр, по крайней мере, у него есть все задатки для этого; и невозможно стать восприимчивым, развитым и тонким в эстетическом плане, если отсутствуют нравственные установки, тем более что, согласно мнению философа, в нравственной миссии человека и заключается основная цель нашего бытия.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА

Ф. Шиллер, поэт и философ, во многом созвучен идеям Канта о нравственности, что особенно заметно в его философских рассуждениях об искусстве «Письма об эстетическом воспитании человека» и «О нравственной пользе эстетических нравов». Шиллер категорически убеждён в этической силе искусства, он считает, что понимание и переживание прекрасного способствует нравственному совершенствованию⁴.

¹ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 376–377.

² Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 273–274.

³ Там же. С. 274.

⁴ Шиллер И.-Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: Рипол Классик, 2018. 242 с.

Философ исследует положительное влияние хорошего вкуса на добродетельные мысли и поступки, на ценностные установки. Шиллер ценит вкус очень высоко, сравнивая наличие вкуса ни много ни мало с религией по силе их воздействия на духовный мир человека, по их роли в обуздании человеческих страстей. С точки зрения Шиллера, триада «красота – истина – добро» отражает фундаментальные духовные проявления человека, которые взаимосвязаны между собой и противостоят физическому, материальному, примитивному. Шиллер критически относится к современной ему западной культуре, он полагает, что человек теряет духовную целостность, а выход он видит в формировании эстетического идеала, подчёркивая, что идеал этот обладает огромным синтетическим воздействием, в частности, ему присуща воспитательная функция, с помощью которой необходимо преобразить материально низменную природу человека.

Итак, Шиллер утверждает, что прекрасное способно сделать человека более нравственным, что отсылает нас к идее этико-эстетического синтеза.

ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ Г.-Ф. ГЕГЕЛЯ

Гегель исследует не только взаимодействие этики и эстетики, он обращается и к категории истины, полагая, что красота является необходимым связующим звеном добра и истины. Исходя из этого, философ наделяет искусство, как сферу прекрасного, равными правами с философией и религией: «Так как искусство занимается истинным как абсолютным предметом сознания, то оно также принадлежит к абсолютной сфере духа и стоит по своему содержанию на одной и той же почве как с религией в специальном смысле слова, так и с философией»¹. Гегель обосновывает духовность красоты в искусстве, то есть красоты, преображённой творческим гением. Природа, по Гегелю, отделена от духа, не

духовна, это и отличает принципиально её от искусства. Но если «преображающая сущность» искусства так велика, то его необходимо исследовать предметом философского анализа, ибо только философия способна полностью постичь его онтологическую глубину.

Гегель определяет субстанцию искусства как неслиянно-неразрывную связь духа и материи. Философ рассуждает о так называемой «видимости чувственности», это то, что приходит к нам через органы чувств: звуки, видимые образы, движение, является «материалом» духовности. С помощью этого материала искусство доносит до нас духовное, бесплотное и эфемерное, которое оказывает на нас преобразующее действие. Словом, искусство соединяет «небо и землю», духовное и материальное: «чувственное в искусстве одухотворяется, так как духовное получает в нём чувственную форму»².

Гегель исследует и выявляет высший духовный потенциал красоты и искусства, её воплощающего, и в этом находит сходство красоты с истиной. Но, в отличие от прекрасного, истина имеет дело только с идеями, с духовным, у неё отсутствует «чувственное и внешнее существование».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Г. Э. Лессинг, направив философский анализ на искусство (театр, скульптура, живопись), выделяет нравственную задачу искусства как приоритетную, что соответствует просветительским идеям. При этом философ требует непрямого «присутствия» прекрасного в произведениях искусства, поскольку именно художественно созданная красота способствует восприятию нравственных сентенций, заложенных автором. Таким образом, Лессинг отстаивает позиции этико-эстетического синтеза.

2. И. Кант выявляет и обосновывает тот факт, что восхищение красотой природы

¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4-х томах. М.: Искусство, 1968. Т. 1. С. 109.

² Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4-х томах. М.: Искусство, 1968. Т. 1. С. 45.

предполагает моральную оценку и определённые нравственные качества у реципиента, причём, только обладая ценностными установками, мы способны воспринять и пережить эту красоту. Более того, человек способен получать удовольствие от нравственного поступка. Таким образом, Кант, выдвигая на первый план этическое, говорит о его неперменной взаимосвязи с эстетическим.

3. Философия искусства Шиллера во многом созвучна этическим конструкциям Канта. Как яркий представитель романтизма, Шиллер критикует современное ему общество как филистерское, потерявшее духовную целостность, а выход он усматривает в обретении эстетического идеала, обладающего воспитательной функцией и синтетическим воздействием; иными словами, творческому синтезу этики и эстети-

ки философ вменяет задачу духовного преобразования человека.

4. Гегель в своих теоретических построениях исследует взаимодействие античной триады (добро – красота – истина), определяя красоту в качестве связующего звена истины с добром. Соответственно, искусство (как поле взаимодействия духа и материи) философ ставит на один уровень с такими формами культуры, как философия и религия.

5. Таким образом, крупнейшие немецкие философы конца XVIII – первой половины XIX вв. рассматривали синтез этического и эстетического как необходимое условие человеческой духовности и целостности, как важнейшие элементы архитектоники культуры.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилберт К. Э., Кун Г. История эстетики / Под. общ. ред. В. П. Сальникова; пер. с англ. Кузнецова В. В. и Тихомирова И. С. СПб.: Алетейя: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранит. деятельности «Университет», 2000. 653 с.
2. Симонова С. А., Иванов Ю. А., Назаров Ю. Н., Булычев И. И. Этико-эстетический синтез в контексте современной культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. №4 (28). С. 50–58.
3. Симонова С. А. Идеи Г.-Э. Лессинга в контексте этико-эстетического синтеза // Ярославский педагогический вестник. 2016. №1. С. 256–258.
4. Симонова С.А. Основные элементы архитектоники культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2015. №2 (14) С. 58–66.
5. Maikova V. P., Belsky V. Yu., Borovinskaya D. N. Excerpts on the history of the concept of development of the autonomous subject: Plato and Aristotle as forerunners of Kant and Hegel. In: Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow, Atlantis Press, 2019, pp. 1252–1256.

REFERENCES

1. Gilbert K. E., Kuhn H. History of Aesthetics (Russ. ed.: V. P. Salnikov, transl. *Istoriyaestetiki*/ Transl. from English by Kuznetsov V. V. and Tikhomirov I. S. St. Petersburg, *Aleteiya* Publ.: *Fond podderzhki nauki i obrazovaniya v oblasti pravookhranitelnoi deyatelnosti* [Fund for Support of Science and Education in Law Enforcement "University"], 2000. 653 p.
2. Simonova S. A., Ivanov Yu. A., Nazarov Yu. N., Bulychev I. I. [Ethical and aesthetic synthesis in the context of contemporary culture]. In: *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of Tolstoy Tula State Pedagogical University], 2018, no. 4 (28), pp. 50–58.
3. Simonova S. A. [The ideas of G. E. Lessing in the context of ethical and aesthetic synthesis]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, no. 1, pp. 256–258.
4. Simonova S.A. [The basic elements of cultural architectonics]. In: *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of Tolstoy Tula State Pedagogical University], 2015, no. 2 (14), pp. 58–66.
5. Maikova V.P., Belsky V. Yu., Borovinskaya D. N. Excerpts on the history of the concept of development of the autonomous subject: Plato and Aristotle as forerunners of Kant and Hegel. In: Proceedings of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow, *Atlantis* Press, 2019, pp. 1252–1256.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонова Светлана Анатольевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета; e-mail: jour2@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Simonova – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education; e-mail: jour2@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Симонова С. А. Идеи этико-эстетического синтеза в немецкой философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2 С. 109–116.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-109-116

FOR CITATION

Simonova S. A. Ideas of Ethical and Aesthetic Synthesis in German Philosophy // *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*. 2020. no. 2 pp. 109–116.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-109-116